

СКАЖИТЕ, ДОКТОР
Ведущий рубрики - доктор Шавевич

**Один день из жизни
Александра Сергеевича**



Предисловие. Заметки написаны в стиле литературной фантазии, или скорее полу-литературного бреда, зато автор удержался и не внёс в повествование ни В.В. Путина, ни инопланетян, хотя очень хотелось.

- Александр Сергеевич, зайдите в литкомиссию. Константин Георгиевич просил напомнить, что Вы задолжали тезисы к следующему собранию.

Пушкин хотел, как всегда, ответить резко, чтобы не приставали с глупостями, но затем пожалел девочку-секретаршу, она-то ни при чём, что заключительная глава «Руслана и Людмилы» никак не получалась. Решил состричь как-то по-залихватски, но в голову лезли одни скабрзности, и он решил отделаться дежурным: «Да, да, конечно, я помню». Снова накатила необъяснимая злость, но поэт сдержался, лишь грустно улыбнулся секретарше Паустовского, кажется Светочке, а может, Наденьке, и пошёл прочь. «Да, изменился Пушкин, раньше-то он ни одной симпатичной девушки не пропускал, то комплиментом, то четверостишьем экспромтным одарит, приобнимет, погладит по ручке, а то и поцелует на бегу в щёчку. Возраст. Возраст и много работы - не на пользу», - подумала Катенька (а так именно её звали), удивилась, хмыкнула, вздёрнула бровками и удалилась в свой кабинет, независимо постукивая каблучками.

«Чёрт подери это собрание! Опять будут кого-то отчитывать. А мне так ещё и выступать с докладом по персональному делу Дантеса. Надеются, что я припомню ему старые обиды. Да какое там, я уже и думать забыл. Хотя, эх он и стервец, Наташенькиной сестры ему тогда было мало, надо было обязательно ещё и мою жену присовокупить. Ну да ладно, то дело прошлое, а вот графиню Вяземскую зачем? Знает же, что она пассия Чехова, с которым лучше не ссориться. Гулял бы себе с бесшабашным Есениным по домам терпимости, массажным кабинетам да саунам - так нет, ему приличных женщин подавай. Вот и допрыгался. Наверняка попрут из Союза литераторов. Да ведь если руку на сердце, какой из него литератор. Пристроил Геккерен сыночка по благу через Толстого».

Пушкин проголодался от таких мыслей и, взглянув на часы, решил отправиться в ресторан. Обедал он только там, предпочитая профессиональную кухню домашним перекусам на скорую руку. Да и с женой лишний раз видеться не хотелось.

В вестибюле здания Союза на выходе, на доске в центре, висело большое объявление о предстоящем собрании литкомиссии. Первым пунктом шёл разбор произведения Куприна «Яма», докладчик Л.Н.Толстой. Затем персональное дело Дантеса. Третьим пунктом значился приём в Союз литераторов молодых и начинающих поэтов Евтушенко и Рождественского, ну а в конце, как обычно, «Разное».

«Да, Толстой, как всегда, наша честь и совесть. «Яму» разгромит под орех, это он может. Как он в прошлый раз разделал Лескова и Гиляровского! Первого - за несовременный слог, а другого - за фамильярность и заигрывание с читателем. Еле ноги унесли. А тут «Яма»! Александр Сергеевич имел повод злиться на Толстого. В последнем читательском рейтинге Пушкин шёл всё ещё на первом месте с небольшим отрывом, а вот в рейтинге членов Союза литераторов Толстой уже второй год подряд обходил Пушкина с солидным перевесом. Как говаривал за рюмочкой Маяковский со всей своей неуместной пролетарской нетрезвой прямоотой: «Война и мир» в четырёх томах да на 47 языках - это тебе, брат, не «Рассказы Белкина» на двухстах страницах!».

«Толстой и в председатели не лезет, и никакие комиссии не возглавляет, но всегда первое и последнее слово - его. Как делегация за рубеж, так Лев Николаевич в руководителях. Да и кабинет его на несколько метров больше моего, и вид из окна получше», - Пушкин почувствовал горечь где-то глубоко под сердцем и ускорил шаг в направлении ресторана Дома литераторов. Несмотря на санкции, Порфирию Порфирьевичу, директору ресторана, удавалось доставать где-то и французские сыры, и вина, и итальянскую ветчину, и норвежскую рыбку. А устрицы привозили, если верить волшебнику Порфирию, прямо из Сардинии. А какую там подавали фаршированную рыбу!

В ресторане народу было не протолкнуться, но у Пушкина, как и у всех членов президиума Союза, был свой персональный столик. Заказав сливовую наливку, он заметил стоящего у входа Лермонтова. «Странно, он же недавно только писал свои заметки с мест боевых действий на Кавказе и Ближнем Востоке. И уже снова в Москве».

- Михаил Юрьевич, иди ко мне за столик, присаживайся, рассказывай.

Они были не то чтобы дружны, но явно друг другу симпатизировали. Лермонтов напоминал Пушкину его самого в молодости: полон надежд, планов, стремлений. Отчаянный, сорвиголова, любимец женщин. Но его необъяснимо тревожила судьба своего товарища - на Кавказе было беспокойно, а Лермонтов для своих репортажей лез в самое пекло.

Они славно пообедали, наговорились, обнялись на прощание, и Михаил Юрьевич уехал. Если бы можно было знать, что им уже не суждено будет больше увидеться!

У Пушкина сегодня вечером была ещё запланирована встреча с Буниным, который хотел дать ему прочесть пару своих новых произведений, написанных для повторного приёма в Союз литераторов. Много лет назад Бунин уже состоял в Союзе, но потом в вечном поиске себя, рассорившись со всеми, внезапно подал на ПМЖ во Францию и уехал. За границей не писалось, деньги заканчивались, а тут ещё его любимый иммигрантский элитный квартал неподалёку от Монмартра стали заселять беженцы - выходцы из стран Магриба, бегущие в Европу. Бунин, продержавшись три года, сначала переехал в Грац, а потом и вовсе решил возвращаться. И с Пушкиным он хотел встретиться, чтобы тот замолвил за него словечко среди членов правления, памятуя о своей давней «Пушкинской премии».

До окончания обеденного перерыва оставалось немного времени, и поэт решил прогуляться. Он отпустил машину с водителем до вечера и вышел на Патриаршие. Здесь ему особенно хорошо думалось и легко сочинялось.

К этим местам его приучил Миша Булгаков, раскрепаснейший и надёжный товарищ. Они были дружны ещё с самого детства, со школы. Юношеские забавы, дискотеки, невинная фарцовка на карманные расходы - всё вместе. Здесь же на Патриарших они ещё тогда, сто лет назад, познакомились с профессором Иерусалимского университета Воландом, человеком необычных способностей и неограниченных возможностей.

Профессор наведывался в столицу нечасто, но каждый раз это было событие! Сначала он устраивал особые приёмы у себя в президентских апартаментах в «Адлоне», куда приходили многие засвидетельствовать своё почтение. А перед отъездом Воланд организовывал благотворительный бал, попасть на который было делом особой чести для каждого уважающего себя человека. Хотя, если признаться, туда приглашались порой довольно-таки странные и даже сомнительные личности, что приписывалось весьма экстравагантному вкусу хозяина. Но замечательная музыка и невиданные угощения компенсировали некоторые неудобства общения с явными проходимцами, приглашёнными на бал. Некоторые считали иностранца человеком не от мира сего, да и чёрный кот в ошейнике и на поводке, сверкающий умными глазами разного цвета, сопровождающий профессора везде и постоянно, придавал всей процессии явно заморский вид.

Пушкин Воланда и уважал, и слегка побаивался. Было в том что-то такое загадочно-пугающее, а порой даже вызывающее непонятный страх. Но в то же время Профессор поэту благоволил, по приезде в Москву неизменно приглашал в числе первых гостей и обращался к нему не иначе как «Милостивый государь!».

На Патриарших Пушкин присел на лавочку в тени под старой раскидистой ивой - своё любимое место, где можно было наблюдать разношерстную московскую публику, приходящую к расположенному невдалеке пункту приёма стеклотары. Кто только не приходил сюда! Студенты, прогулявшие стипендию, интеллигентные люди со следами спившейся гениальности под очками, бабушки с мизерной пенсией, да и прочий люд, которому не хватало на очередную порцию беззаботного счастья. Наблюдая за ними, он даже внёс некоторые увиденные здесь эпизоды в судьбу своего любимого героя - Онегина, который в первом варианте поэмы от неразделённой любви спивался, опускался на самое дно, но был спасён благородной Татьяной Лариной, ради него пожертвовавшей обеспеченной жизнью генеральской жены. Но... цензура такое окончание романа не пропустила, и пришлось Пушкину всё исправлять, завершая поэму грустным, но благородным концом.

Порой поэту хотелось заговорить с кем-нибудь из этих людей в парке, побеседовать, расспросить о судьбах-горестях, но он не решался. Лишь изредка подавал старушкам рубль-другой и спешно ретировался, приподнимая край цилиндра в знак уважения и понимания.

Александр Сергеевич вернулся к себе в кабинет, попросил секретаршу принести кофе и занялся разбором почты, которую предпочитал по старинке на бумаге, не чувствуя новомодные СМС и электронную почту.

Приглашения на балы, рекламы издательств, напоминания выступить перед какой-нибудь очередной аудиторией - всё было как обычно, вызывало скуку и усталость, и Пушкин выбросил их в корзину, не читая. Зато было среди писем и приятное послание. Писал ему давний приятель Остап Ибрагимович Бендер-Шмидт. Человек весёлый, предприимчивый и не без ноты авантюризма. Бендер разбогател в давние времена на торговле антикварной мебелью. Сколотив состояние, отправился путешествовать. Пожил некоторое время в Южной Америке, вернулся в Россию и осел в купленном по случаю старинном имении Ново-Васюки, где и вёл «бурную» жизнь обывателя. Правда, раз в год он устраивал очень известный международный шахматный турнир, на котором собирались не только шахматные звёзды мировой величины, но и просто любители этой игры. Народу приезжало немало, - турнир широко освещался в прессе, и столичный бомонд использовал случай лишний раз засветиться. Короче, дальше захолустье становилось на две недели центром вселенной.

Пушкин любил бывать у Бендера в Ново-Васюках, любил с ним общаться, любил его компанию. Остап был человеком колоритным, хорошим и интересным собеседником, гостеприимным хозяином, и к тому же кормили у него неплохо и щедро. Всё было свежим, выращенным прямо здесь, в усадьбе, без химикатов и консервантов, то есть, как сейчас принято называть модным словом «БИО», что Пушкину с его хроническим катаром желудка и давними неладными с печенью - последствиями бурной молодости - было очень кстати.

«Обязательно поеду. Развеюсь, подышу сельским воздухом, выпью рюмочку-другую с Остапом. Может, душа и перестанет тоскливо свербить». Пушкин сел писать ответ Бендеру, улыбаясь и предвкушая предстоящую встречу.

За окном быстро потемнело, октябрьское солнце пряталось за Москвой-рекой, ветер усиливался, и стало неуютно. Раньше поэт любил осень, но в последнее время всё как-то незаметно поменялось. Опадающая листва, пустынная набережная за окном под тяжёлыми облаками стали вызывать чувство унылой и безвозвратной тоски по ушедшему. В такие вечера Александру Сергеевичу становилось пугающе одиноко в полутёмной комнате, пропадало желание писать, набросанное на черновиках не нравилось, и он старался побыстрее покинуть свой кабинет.

Спускаясь по парадной лестнице и размышляя, где бы провести вечер, поэт подумал, не поехать ли по приглашению во французское посольство, где сегодня должны были состояться празднования по случаю избрания нового президента страны. Его вечно улыбающееся лицо несколько раздражало, зато внешность его привлекательной супруги, вдвое старше мужа, интриговала и манила поэта. Пушкин вообще любил всё французское: язык, женщин, вино, манеры и решил ехать туда, надеясь приятным обществом и хорошим вином разогнать свою застоявшуюся меланхолию. А может вечер даже украсит ни к чему не обязывающая встреча с прекрасной незнакомкой в длинном вечернем платье, и обязательно тёмно-красного цвета, а уж там...

Продолжение следует

Будьте здоровы и счастливы, читайте Пушкина и вообще читайте!

Ваш доктор Шаевич